

**ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОСТРОЕНИИ
ОНЕЙРОПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО,
И. А. БУНИНА**
**PUSHKIN TRADITION IN THE CONSTRUCTION OF ONEURAL SPACE
IN CREATIVITY F. M. DOSTOEVSKY, I. A. BUNIN**

Аннотация: В статье рассматривается художественное воздействие А. С. Пушкина на построение онейрического пространства в творчестве Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина. Особое внимание уделяется сюжетной схеме онейропространства, его образам-символам, идейной установке.

Ключевые слова: онейрическое пространство (онейропространство); образы-символы; прием реалистичного сновидения.

Abstract: The article examines the artistic influence of A. S. Pushkin on the construction of oneiric space in the works of F. M. Dostoevsky and I. A. Bunin. Particular attention is paid to the plot scheme of oneirospace, its images-symbols, and ideological setting.

Keywords: oneiric space (oneiric space); images-symbols; method of realistic dreaming.

Творчество А. С. Пушкина (Пушкина) по праву считается безграничным, поэтому всё последующее развитие русской литературы во многом является развитием пушкинской традиции. В нашей статье мы рассмотрим художественное воздействие Пушкина на реализацию онейрического пространства в творчестве Ф. М. Достоевского (Достоевского) и И. А. Бунина (Бунина).

Литературовед Л. П. Гроссман отмечал, что крупнейшие образы Достоевского связаны «...с пушкинскими героями и часто являются углублением первоначального пушкинского очерка, доведением его до степени трагической напряженности» [2, с. 436]. В героях Пушкина Достоевский раскрывает трагические возможности, заставляет их прожить трагическую жизнь. Таковым является герой романа «Преступление и наказание» Родион Раскольников, который напоминает пушкинского героя – Германна – из повести «Пиковая дама».

Повесть Пушкина «Пиковая дама» являлась для Достоевского «творческим возбудителем» [2, с. 437] на протяжении многих лет. Сам писатель признавался: «Мы пигмеи перед Пушкиным! Недавно перечитал я его “Пиковую даму”. Тонким анализом проследил он все движения Германна, все его мучения, все его надежды и, наконец, страшное, внезапное поражение» [6, с. 225].

В 1865 году был начат роман «Преступление и наказание», напечатанный годом позже. В нем прослеживается пушкинская сюжетная схема – через преступление к поставленной цели. Родион Раскольников, испытывая презрение к обществу, его законам, нравственным понятиям, утверждает неизбежность сильной и властвующей личности. Герой провозглашает принцип «всё дозволено», культ сильной личности, «наполеонизм». Его предшественник Германн также имеет наполеоновское стремление к возвышению и власти.

История о трех картах сильно повлияла на воображение Германна. Во сне ему пригрезились «...карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман» [7, с. 199]. Образы карт, денег, золота являются отражением идеи Германна – идеи фантастического богатства. Раскольникову перед совершением преступления также грезится Египет, отдыхающий караван, верблюды, пальмы и то, как он сам стремится утолить свою жажду. Образы сноподобного состояния являются символом житейской пустыни героя, поглощенного идеей права на жизнь другого.

В четвертом сноподобном состоянии Раскольников находится в беспамятстве. Он забывается и оказывается на улице поздним вечером. Далее происходит перемещение героя в вертикальное пространство. Неслучайно возникает образ лестницы, который является пространственным комментарием внутренних метаний героя – «...между идеей наполеоновской вершины и осознанием собственного падения» [8, с. 60]. Также литературовед М. М. Бахтин рассматривал образ лестницы как символ «...развенчивающего всенародного осмеяния на площади карнавального короля-самозванца» [1, с. 191]. Образ лестницы символизирует самозванное возвышение героя, образный уход в иллюзорность бытования теории разделения людей на «обыкновенных» и «необыкновенных».

Раскольников, поднявшись по лестнице, вошел в знакомую ему квартиру. Герой стремится совершить повторное убийство, однако старуха-процентщица не умирает от наносимых ей ударов, а начинает смеяться. Образ смеющейся старухи созвучен с пушкинским образом подмигивающей в гробу старухи-графини и подмигивающей пиковой дамы на карте. Также во сне Германна появляется ожившая графиня, которая прощает герою свою смерть и исполняет его просьбу.

В беспамятстве Раскольникова появляются люди, которые в молчании смотрят на него, чего-то ждут и не дают ему уйти. Согласно мнению М. М. Бахтина, Достоевский использует пушкинскую карнавальную логику самозванного возвышения, всенародного смехового развенчания на площади и падения вниз [1, с. 191]. Тем самым беспамятство Раскольникова созвучно пророческому сну Самозванца в пушкинской поэме «Борис Годунов». Образы смеющейся старухи и молчащей толпы являются олицетворением развенчивающего всенародного осмеяния теории Раскольникова.

Онейрическое пространство Бунина также созвучно художественным онейрическим пространствам его предшественников. В своих произведениях писатель нередко использует прием реалистичного сновидения – это видение героя во сне, сопряженное с пространством реальности, или сравнение пространства реальности с пространством сновидения.

В декабре 1911 года на Капри Бунин создал рассказ «Веселый двор». Произведение состоит из трех частей, каждая из которых посвящена герою – Анисье, матери Егора Минаева, и самому Егору Минаеву. Третья часть рассказывает о последних днях Егора, умершего после похорон матери.

Рассказ начинается с описания несчастливой жизни Анисьи. Автор говорит о том, что она «...много ночей провела без сна, сидя в темной избе на конике, вспоминая и думая» [3, с. 231]. Анисья желает увидеть сына Егора, который караулит лес – Ланское – помещика Гурьева, проведать его и «хоть малость подкрепиться».

В стремлении навестить сына Анисья решает отправиться в Ланское, что находится в пятнадцати верстах от дома. При описании её пути Бунин стирает границу между сном и явью, что делает непонятным восприятие сюжета – Анисья спит или идёт к сыну («ветер усыплял пчел, сонно жужжащих», «махали по горизонту крыльями несуществующие мельницы», «несуществующие голоса», «убаюкивающие трели жаворонков» [3, с. 236–238]). Также путь Анисьи отмечен сокращением пространства, что является возможным только в сноподобном состоянии («теперь она плыла, плыла как тот стеклянный червячок, по воздуху» [3, с. 238]). И только после того, как Егор увидел свою мать, умершую у него в караулке, мы понимаем, что путь Анисьи был не сном, а реальностью.

Прием реалистичного сновидения, используемый Пушкиным в повести «Пиковая дама», Достоевским в романе «Преступление и наказание», необходим для выражения болезненного (кризисного) состояния героя. Бунин тоже отмечает слабость Анисьи и её болезненное состояние. Однако автор с помощью приема реалистичного сновидения также выражает абсурд реального события, заключающийся в отсутствии родственных связей между матерью и сыном. Совмещение сна и реальности стало характерным явлением в искусстве начала XX века.

Пространство сна предполагает встречу с образами потустороннего мира. Находясь в караулке сына, Анисья видит во сне ярмарку, карусели, пьяный народ. Она видит покойного мужа Мирона, молодого и веселого, который вместе с ней стремится догнать Егора. Онейрические образы являются отображением образов реального пространства: ярмарка видится как двор Анисьи, названный «веселым», покойный муж Мирон оживает, упоминается сын Егор. Бунин вновь совмещает онейропространство с пространством реальности для выражения болезненного состояния Анисьи и осознания ею собственной смертности [5]. Во сне Анисья говорит покойному мужу Мирону о том, что «...теперь вот и смерть пришла» [3, с. 242].

Также Бунин использует традиционный для русской литературы лейтмотив «смерть есть сон» и сравнивает сноподобное состояние Анисьи со смертью («Все сильнее клонило в сон», «...она спала, спала – и умирала», «...лавка плавно полетела в пропасть», «...она спала, умирая во сне» [3, с. 241–242]).

Вторая глава рассказывает о жизни Егора Минаева, спокойной, бездеятельной, взявшей за основу принцип «спи сколько угодно». Однако, находясь в Ланском, Егор стал бояться приближения сумерек – ему всюду представлялся «...еле

видный, неуловимый в очертаниях, но оттого еще более страшный, большой сероватый черт» [3, с. 246]. Видение Егора напрямую связано с видением Ивана Карамазова (герой романа Достоевского «Братья Карамазовы»). Черт является воплощением всего низкого, подлого и презренного, что есть в Иване Карамазове и Егоре Минаеве, является выражением бунта героев. Егор ощущает разлад с миром, считает, что он умнее других, сознательно разрушает родственную связь с матерью, бессмысленно губит и уничтожает себя [7, с. 235].

Таким образом, поэтика онейрического пространства в творчестве Пушкина, Достоевского, Бунина взаимосвязана. Достоевский использует пушкинскую схему в построении онейропространства, наполняет его схожими образами-символами. В свою очередь Бунин развивает традиции предшественников: использует прием реалистичного сновидения, лейтмотив «смерть есть сон».

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х гг. : собрание сочинений / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – 505 с.
2. Бем, А. Л. «Пиковая дама» в творчестве Достоевского / А. Л. Бем // Вокруг Достоевского : сборник статей ; под ред. А. Л. Бема. – М. : Русский путь, 2007. – 576 с.
3. Бунин, И. А. Избранное / И. А. Бунин. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1976. – 536 с.
4. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Лениздат, 2014. – 640 с.
5. Красильников, Р. Л. «Живой труп» в русской литературе / Р. Л. Красильников // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия ; гл. ред. Г. В. Судаков, сост. С. А. Тихомиров. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 594–600 – https://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/6_03.htm.
6. Петров, С. М. История русской литературы XIX века (первая половина) : учебник для студентов пед. ин-тов / С. М. Петров. – М. : Просвещение, 1973. – 576 с.
7. Пращерук, Н. В. Проза И. А. Бунина: философия, поэтика, диалоги : монография / Н. В. Пращерук. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; СПб. : Алетейя, 2022. – 432 с.
8. Пушкин, А. С. Сочинения : в 3 т. Т. 3. Проза. – М. : Художественная литература, 1987. – 528 с.
9. Хоц, А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского / А. Н. Хоц // Достоевский : материалы и исследования. – Т. 11. – СПб. : Наука, 1994. – С. 51–80. – http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_11/06_Хоц_51.pdf.